

теля, исполненные доверия к его милосердию, когда наступила ночь и удвоила страх в обоих враждебных лагерях. Сарацины опасались, чтобы наши не овладели городом во время ночи или, по крайней мере, чтобы они на следующий день, одолев преграды и засыпав рвы, не прошикли тем легче на стены. Наши же, со своей стороны, боялись только одного, а именно – чтобы сарацины не нашли какого-нибудь средства поджечь придвинутые к ним машины и вследствие того взять верх. Вот потому с обеих сторон наблюдали друг за другом, трудились и были поглощены заботами, которые прогоняли всякий сон. Одни были исполнены положительной надежды, других волновал страх. Одни с охотой трудились над делом Божиим, чтобы взять город; другие, сражаясь за закон Магомета (Mahumeth), против воли вынуждались к защите. Вы не поверите тем громадным усилиям всякого рода, которые были сделаны в эту ночь с обеих сторон. С наступлением утра (15 июля) нашими овладел такой жар, что они приблизились к самым стенам и подокнули свои машины. Сарацины же противопоставили на каждую нашу машину по девять и по десять своих, и таким образом сделали огромных препятствий нашему предприятию. Между тем это был именно девятый день, на который один священник указал, как на день взятия города. Впрочем, зачем останавливаться на этом. Наши машины были все уже переломаны от бесчисленных ударов камнями, пущенных в них, и наши люди падали под бременем усталости. Но нам еще оставалось непреодолимое милосердие Божие, которое не было никогда побеждено и которое всегда ниспосылается в свое время среди величайших бедствий.

По вот один случай, который я не должен пройти молчанием. Когда две женщины старались заколдовать одну из наших камнеметательных машин, камень, пущенный с силой, попал в них и раздавил их вместе с тремя детьми; таким образом, этот удар, выпустив из них дух, предотвратил чары.

Около полудня наши пришли в совершенный беспорядок от усталости и отчая-

ния, которое ими овладело; у каждого из них было на руках по несколько противников, степы же были крепки и высоки, а неприятель имел в свою пользу много средств и благоприятных обстоятельств, которые помогали ему защищаться и бороться с нами. В минуту такого изнеможения наших и возвышения противников, проявилось посреди нас Божеское милосердие, которое превратило нашу печаль в радость, и да не отвратится она от нас никогда! Когда некоторые из наших уже совещались об отводе машин, из которых одни были сожжены, другие переломаны, явился какой-то рыцарь со стороны Масличной горы (de monte Oliveti) со щитом на руке и, щитом махая тем, которые были с графом (Тулузским), и другим прочим, приглашал их войти в город. Кто это был за рыцарь, мы не могли разведать. При этом виде наши, уже совершенно истомленные, воодушевились и побежали к стенам, одни неся лестницы, другие набрасывая веревки. Несколько юношей зажгли стрелы и с огнем пустили их в мешки, которыми сарацины обложили укрепления, воздвигнутые против деревянной башни, принадлежавшей герцогу и двум графам. Были же эти мешки (culcitrae) набиты хлопком (gambasio). Когда огонь принялся, защищавшие тот пункт обратились в бегство. После того герцог и те, которые находились с ним, живо откинули щит, который прикрывал переднюю часть деревянной башни¹ сверху донизу, и, употребив этот щит вместо моста, бросились с мужественной отвагой, чтобы проникнуть в город. Танкред и герцог Лотарингский вошли первые, и количество крови, пролитой ими в этот день, превышает всякое вероятие. Все другие вторглись вслед за ними, и сарацины не могли больше ничего сделать.

По вот что удивительно: когда французы считали город взятым, сарацины продолжали сопротивляться тем, которые были с графом, как будто бы они никогда не были побеждены. Между тем наши уже овладели башнями и укреплениями, и отсюда можно было видеть много изумительного. У

¹ Подробное описание подобных башен в Средние века см. у монаха Рискера, гл. 105 и 106.